

ЛИТЕРАТУРА СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

УДК 821.161.939.272

СИМВОЛИКА «СТУПЕНЕЙ» В ПОЭЗИИ Ю. БАЛТРУШАЙТИСА

Молчанова Наталья Александровна,

*доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX века,
Воронежский государственный университет
(Россия, Воронеж)
E-mail: deanery@phil.vsu.ru*

Образы «ступеней» в творчестве поэтов-символистов неотделимы от их смыслового наполнения в мировой литературе. В творчестве Ю. Балтрушайтиса их символическое значение связано с представлением о человеческой жизни как пути творческого освоения земной реальности для восхождения к идеальным ценностям. Человек при этом принимает на себя миссию теурга, «досоздает» мир, осозная жизнь и самого себя – путь исполнен трагизма и жертвенности.

Ключевые слова: *символизм, акмеизм, ступени, лестница, числовая символика, космический миф, теургия, зодчество.*

Образы «ступени» и «лестницы» – звеньев, вертикально связывающих категории «верха» и «низа», достаточно широко распространены в русской литературе. В творчестве поэтов-символистов, попадая в мифопоэтический контекст разнородных философско-эстетических исканий, они приобретают многослойное амбивалентное содержание. «Ступени» присутствуют в поэзии Д. Мережковского, К. Бальмонта, А. Блока, А. Белого и многих других. Но, думается, особенно значим

этот символический образ для Юргиса Балтрушайтиса, не случайно он был заявлен уже в названии его первой книги «Земные ступени» (1911).

В статье «О внутреннем пути К. Бальмонта» поэт так определял «единственную задачу современного творчества»: «А эта задача – в последовательном восхождении внутреннего опыта людей к рождению нового космического мифа» [2, с. 68]. Аналогичную задачу создания универсального «космического мифа» Балтрушайтис решал и в собственной поэзии. Пронизанная пафосом творческого освоения земной реальности для восхождения в мир идеальных ценностей, поэтическая книга «Земные ступени», по мнению ее автора, должна была охватить «все ступени, по которым поднимается и опускается наш брат человек» (из вступительной статьи). Ключевыми являлись строки из первого, вводного стихотворения:

*Вся мысль моя – тоска по тайне звездной...
Вся жизнь моя – стояние над бездной.*

[4, с. 30]¹

Как известно, «Земные ступени» включали в себя четыре раздела, построенных по календарно-возрастному принципу: «Весенняя роса» – утро человеческой жизни, «Дымные дали» – полдень ее, «Сбор винограда» – зрелость и «Белые вихри» – старость. Казалось бы, Балтрушайтис всё четко структурировал, «ступени» поэта призваны вести «в беспредельность звездной ночи» (с. 180), «к светлым высям божьих гор» (с. 75), «в великий храм ночной» (с. 121). Помимо традиционных «гор» восхождение человеческого духа ассоциируется с лестницами «башни», скорее всего, скандинавского происхождения, и «замка», имеющего, по-видимому, национальные литовские корни. Однако такая нехитрая философская концепция воплощается в самих текстах далеко не однозначно. Прежде всего, в сознании Балтрушайтиса.

*Божий мир еще не создан,
Не достроен Божий храм, –
Только серый камень роздан,
Только мощь дана рукам.*

(с .56)

Таким образом, поднимаясь по «земным ступеням», человек призван «досоздавать» мир, то есть выполнять миссию теурга. Вместе с тем, по Балтрушайтису, он – «зодчий», который обречен вечно работать с «серым камнем». Образ «зодчего» станет сквозным в поэзии Балтрушайтиса. Таким образом, оставаясь верным «заветам симво-

лизма», поэт своеобразно соприкоснулся с зарождающимися в начале 1910-х годов акмеистическими тенденциями в литературе.

Если в «Утренних песнях» «весела дорога в гору», «каждый холм – на празднество ступень» (с. 32), то уже в «Дымных далях» появляется темная «лестница времен», движение по которой оборачивается вращением по «замкнутому кругу» (стихотворения «На отмели», «Раздумье»). Кругозор неожиданно оказывается «узким», а взор обобщенного лирического «я» – «пилигрима» делается «пустынным», ибо ему уже «знакома в жизни каждая ступень» (с. 52). Основным глаголом, характеризующим движение по «ступеням» жизни, становится «плестись»: «плетусь медлительно во мгле» (с. 61); «плетусь в неверной тишине» (с. 60).

В разделе «Сбор винограда» возникает очень важный для поэта образ Сизифа, обманутого учением «древних вещей книг», выполняющего, казалось бы, бессмысленный труд, однако бросающего дерзкий «вызов бытию»:

*Пусть! Скорей другую ношу!
Вновь я гордо встаю...*

(с. 67)

Горькое понимание той истины, что «для нас земля – последняя ступень» (с. 78), сочеталось в первой книге Балтрушайтиса с глубокой тоской «о великом, о всемирном» (с. 35), о его существовании в мире тайно говорят «недвижных туч жемчужные ступени» (с. 71). В письме к В. Брюсову от 30.09.1900 г. Балтрушайтис так описывал кладбище в горах Кавказа: «Скала поднималась над скалой, и кладбище уже не казалось конечным приютом человеческой жизни, а только одной из ступеней бесконечной лестницы» [Цит. по кн.: 5, с. 150].

Движение по «ступеням» в последнем разделе «Белые вихри» ассоциируется с качанием маятника часов, и теперь оно направлено не вверх, а вниз:

*Будто с тоской по утраченным дням,
Кто-то по древним глухим ступеням
Поступью грузной идет в глубину,
Ниже, все ниже, – во тьму, в тишину...*

(с. 97–98).

Ночные» стихи этого раздела книги рождают новую ипостась лирического «я» поэта – «Витязь»:

*В снежной пустыне, при бледной луне,
Мечется Витязь на белом коне...*

(с. 89)

Данный образ станет особенно важным в третьей книге поэта «Лилия и серп», где он приобретет статус лирического героя.

Вяч. Иванов в статье «Юргис Балтрушайтис как лирический поэт» находил «особенный, личный смысл» двух названий книг – «Земные ступени» и «Горная тропа» (1912) – в том, что поэт воплощает в них «семь последовательных ступеней осознания личностью мира и ее самой...», характеризуя эти ступени как «семь забвений» [7, с. 88]. Цифра семь, знаковая в разных религиях мира, от буддизма и христианства до теософии начала XX века, занимала особое место в творчестве русских символистов: «семь стран души» раскрывал А. Блок в книге «Нечаянная Радость», семь разделов было в книгах «Будем как Солнце» К. Бальмонта и «Пепел» А. Белого, семилетиями измерял М. Волошин разные этапы своей жизни. Виктория Дауёгите-Пакаряне отмечает, что эти семь этапов духовного опыта «Балтрушайтис сам доверил Вяч. Иванову» [см.: 6, с. 103]. Видимо, для уяснения своеобразия философской метафизики поэта, не сводимой ни к христианству, ни к теософии, «семь ступеней» действительно важны, однако в поэтических текстах их почти невозможно выявить, в архитектонике и образном строе книг Балтрушайтиса доминируют другие цифровые символы: «четыре» в «Земных ступенях» и «три» в «Горной тропе» (1912).

Думается, права Бируте Мержвинскайте, когда отмечает, что во второй книге поэта «последовательно реализована идея о вечном движении по закону триады» [9, с. 54]. Правда, три раздела книги поэта не имеют такой четкой структурированности, как четыре раздела первой. Стремление подняться по «горной тропе» к высотам духа неразрывно связано в ней с мотивом «оправдания» земного мира, сотканного из противоречий:

*Равно достойны света воздаянья –
Суровый пот к земле склоненных лиц,
В огне веков нетленные деянья,
И мудрый лепет вещей небылиц.*

(с. 115–116)

Такое «оправдание» возможно, по Балтрушайтису, только через «жертвоприношение». Виктория Дауёгите, ссылаясь на статью поэта «Жертвенное искусство», опубликованную у Г. Шпета в ежегоднике

«Мысль и слово» (М., 1918), подчеркивает: «Даже искусство Юргисом Балтрушайтисом понималось ступенчато: “как искусство – игра, как искусство – познание, и как искусство – жертва”» [6, с. 123]. В своей статье Балтрушайтис утверждал: «... То искусство, которое одно служит чуду нашего преображения, мы определяем как искусство – жертву. А это искусство осуществляется только тогда, когда душа создающего – в деянии творчества и через свое творческое деяние – вовлекается в жертвоприношение себя тайне мира, неизреченной воле вселенной, в жертвенное забвение себя и в жертвенное отречение от себя, целостно и слепо предавая свою одинокую отдельность неведомому зодчему мира» [3, с. 222–223]. Показательно, что в книге «Горные тропы» «опальный пилигрим», блуждающий по высям гор, нередко оказывается человеком искусства:

*От неба мой посох,
От неба – свирель...*

(с. 101)

Своеобразным мерилем творческой личности являлся для Балтрушайтиса Скрябин, которому посвящено шесть стихотворений второй книги. В одном из них, с характерным названием «Восхождение», провозглашается то самое «жертвенное отречение от себя», о котором поэт размышлял в статье:

*Мгновения как молнии... В их смене
Немеет вздох отдельности во мне...
И в смертной дреме выше нет ступени,
И ярче нет виденья в смертном сне.*

(с. 104).

Другой духовно родственной для поэта личностью подлинного творца был Рерих. В статье «Внутренние приметы творчества Рериха» (1916) Балтрушайтис писал: «... путь Рериха, по всем внутренним приметам его живописи, проходит не пёстрым замкнутым лугом с его радужной явью и забвением, но, как путь всякого познающего искусство, ведёт к открытым горным перевалам, в суровый простор бессонной, чутко настороженной мысли о вечном и молитвенного состояния перед таинственным чудом мира» [1].

В стихотворении «Древнее сказание» этапы развития человеческой цивилизации понимаются как триада: «падение» – изгнание из рая, земные страсти, скитания и «возвращение» к истокам, «туда, где меркнет стебель в поле / И ждет серпа» (с. 104). «Ступени» теперь напоминают об утраченном Эдеме:

*Брожу опять по старым ступеням
И только в миг иной –
Шепчу привет и свету и теням,
В далекий день мелькавшим предо мной...*

(с. 122)

Осознание творчества как жертвоприношения дарит душе надежду, что «возродится чудо рая, / От века дремлющее в нас» (с. 154). С любимыми поэтом «ступенями» тесно переплетаются другие довольно традиционные для русской поэзии символические образы: «серп», «мёд» и «крест». «Серп» – орудие труда земледельца и в то же время мифический инструмент смерти. «Мёд» – это устоявшийся «мёд» поэзии. «Лестница» в мировосприятии поэта постепенно преобразуется в «лествицу» – христианский символ духовного восхождения (в Библии рассказывается, как праотец Иаков имел видение лестницы, по которой восходили и нисходили ангелы). Правда, Балтрушайтис не использует этот образ прямо, но в контексте стихотворений «Горных троп» он закономерно возникает, вместе с другими христианскими символами: «пахарь» (у Балтрушайтиса он «слепой»), «рыбак», «Вифлеемская звезда». Программное значение имели заключительные строки последнего стихотворения книги – «Аминь»:

*Лети, пчела, за новым мёдом!
Прими, невольник, новый крест!*

(с. 164)

В последней книге «Лилия и крест», над которой Балтрушайтис работал много лет, не сумев издать ее при жизни (она была издана Марией Балтрушайтис в 1948 г.), поэт отказался от деления на разделы. Это самая зрелая и одновременно самая грустная книга Балтрушайтиса. Ее образная система приобретает еще большую, чем в предшествующих книгах, аллегоричность. «Лилия», в понимании автора, – символ чистоты, непосредственности восприятия Божьего мира, «серп» знаменует жизненную мудрость человека, стоящего на пороге смерти. Абстрактное всечеловеческое «я» трансформируется в условный образ лирического героя – «Витязя Тайной Дали», то есть рыцаря, выполняющего ниспосланное свыше предназначение судьбы. В пути по «земным ступеням» и «горной тропе» его сопровождают «три великих знака – / Молот, Посох, Крест» (стихотворение «Мой щит»). «Посох» и «крест» присутствовали в предшествующих книгах поэта, правда, теперь «посох» стал «горьким», а «крест» знаменует главным образом

«путь утрат». «Молот стальной» в земных руках превращается знак высшей воли, кующей переход от мгновения к Вечности:

*В мире взрывая искры сквозь тень,
С грохотом молот стальной
Грузно готовит часу ступень
В храм неземной...*

(с. 202)

Жертвенный жизненный опыт «Витязя» приводит к выводу, что в мире есть лишь «две разных ступени»:

*Средь высей зацветший покой
И в дальней дороге – от тени до тени –
Заблудший в смятении разум людской!*

(с. 183)

В «покое», «тишине» крепнет мужественное сознание нравственно-религиозного долга перед Великим Зодчим:

*И лишь творя свой долг средь тени,
Мы жизнью возвеличим мир
И вознесем его ступени
В ту высь, где вечен звездный пир.*

(с. 221)

К. Бальмонт, знакомя в 1913 году своего «угрюмого как скалы» друга с актрисой Алисой Коонен, сказал: «Любите его стихи и опасайтесь его философии» [8, с. 127]. Думается, несмотря на шутливость фразы, он был прав: лирика Балтрушайтиса гораздо сложнее и интереснее его философских воззрений.

Примечания

1. В дальнейшем все сноски на стихи даются по этому изданию, страницы указываются в тексте.

Список использованных источников

1. Балтрушайтис Ю. К. Внутренние приметы творчества Рериха [Электронный ресурс] // Николай Константинович Рерих. Текст Ю. К. Балтрушайтиса, А. Н. Бенуа, А. И. Гидони, А. М. Ремизова и С. П. Яремича. – Пг.: Свободное Искусство, 1916. – Режим доступа: etika.vomne.agni-age.net/about/nkr.htm

2. Балтрушайтис Ю. О внутреннем пути К. Бальмонта // Заветы. 1914. № 6.
3. Балтрушайтис Ю.К. Жертвенное искусство // Мысль и слово. Ежегодник. – М., 1918—1921. Т. 2.
4. Балтрушайтис Юргис. Дерево в огне. Стихи. – Вильнюс, 1983. В дальнейшем все сноски на стихи даются по этому изданию, страницы указываются в тексте.
5. Дауёгите Виктория. Юргис Балтрушайтис. Монографический очерк. – Вильнюс. 1983.
6. Дауёгите-Пакарене Виктория. Метафизика поэзии Юргиса Балтрушайтиса // Юргис Балтрушайтис. Ступени и тропа. – М.: Baltus, 2005.
7. Иванов Вяч. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века. 1890 – 1910 / под ред. проф. С. А. Венгерова. М., 2000. Т II.
8. Коонен А. Страницы жизни. – М., 1985.
9. Мержвинскаяте Бируте. Символика пути в поэзии Юргиса Балтрушайтиса // Научные труды Вильнюсского университета. Rusistica Vilnesis. Literatura. 2013. № 55(2).

“STAIRS” AS A SYMBOL IN THE POETRY OF J. BALTRUŠAITIS

Molchanova Natalia Alexandrovna,

*Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Literature of the XX
century, Voronezh State University
(Russia, Voronezh)
E-mail: deanery@phil.vsu.ru*

Images of “stairs” in the works by symbolist poets are inseparable from their meanings in the world literature. In J. Baltrušaitis’ creative writing they are symbolically connected to the idea of human life as a way of creative comprehension of worldly realia for the purpose of ascending towards the ideal values. In this case the human being embraces the mission of a theurgist, ‘accomplishes’ the world through achieving cognition of life and his own self—the way of tragedy and sacrifice.

Keywords: *symbolism, acmeism, stairs, number symbolism, cosmic myth, theurgy, architectonics.*